

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

На 1 годъ
4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный
роскошно-иллюстрированный въ краскахъ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

На 1/2 года
2 руб.

20-й ВЪКЪ

(пятыи годъ изданія)

Каждый номеръ, до конца войны, **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА существованія—„20-й ВЪКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской периодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВЪКЪ“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военного шпіонажа неприятельскихъ странъ.—Кошмары войны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.—Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны)—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Всѣ рисунки ясны и отчетливы.—Картины и рисунки на военныя темы.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р. Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВЪКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный
худож.-литерат.

ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, английскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ. Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-ая Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“

ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ

каждый номеръ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.

Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ.

Безопасная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитаго смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, которые уже дали обѣщанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнетъ.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе извѣстные русскіе юмористы:

Сэръ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Вѣнскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И. Герсонъ (Зрячій).—Сергѣй Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнiewiczъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб. Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

РУССКІЙ ОФИЦЕРЪ

ВЪ БОЮ.

ПОДПОРУЧИКЪ «БЕЗСМЕРТНЫЙ».

Г. П. Трянскій въ «Веч. Врем.» приводит любопытнѣйшій рассказъ одного изъ героевъ-офицеровъ, подпоручика «Безсмертнаго», какъ его прозвали товарищи.

То, что о немъ рассказывали, казалось почти невѣроятнымъ, похожимъ на сказку.

Приносили изъ цейхгауза его чемоданъ, доставали прострѣленную фуражку, у которой вся подкладка и козырекъ были въ крови, показывали его бинокль со слѣдами пули на мѣдной черпеной оправѣ преломляющихъ призмъ. Пули только смяли оправу и скользнули, рикошетируя. Видно, что не будь этихъ защищенныхъ призмъ, пули попали бы прямо въ глаза.

Одна изъ пуль, срикошетиравъ отъ призмъ, сорвала кусокъ оправы окуляра и половину брови владѣльца бинокля. Весь бинокль покрытъ запекшеюся бурой кровью, кровь и на ремнѣ и на футлярѣ. Становилось яснымъ, что бинокль не выпускался изъ рукъ и не отрывался отъ глазъ даже послѣ раненій головы.

Жутко разглядывать этотъ бинокль. Его обладатель, пѣхотный подпоручикъ, глядѣлъ смерти въ глаза въ буквальномъ смыслѣ слова.

Понятно, съ какимъ волненіемъ я слушалъ его рассказъ. Серьезный и простой рассказъ о чудѣ Божіемъ. Онъ и самъ серьезенъ и простъ, этотъ юноша, почти мальчикъ.

Отъ половины лба его голова забинтована. Загорѣлое, лишь слегка поблѣднѣвшее лицо очерчено рѣзкими сухими линиями. Что-то строгое и неумолимое положило свою печать на это юное лицо, и серьезной мыслью свѣтятся на немъ сѣрые глаза. Онъ лежитъ на подушкѣ. Забинтованная рука въ гипсовой повязкѣ бѣлѣетъ на темномъ одеялѣ. Лицо и полураскрытая грудь кажутся темными отъ бѣлоснѣжныхъ подушекъ и дѣтски трогательно на этой безстрашной груди сіяетъ золотой крестикъ съ синей эмалью и серебряный образокъ.

— Не знаю, какъ меня Богъ спасъ!..

Такъ ужъ, видно, суждено было остаться живымъ...

— Перешли мы границу и вступили въ нѣмецкія земли такъ быстро, такъ неожиданно для нѣмцевъ, что нѣрѣдко приходило въ деревню, заставали покинутымъ начатымъ обѣдомъ. Раненъ я былъ въ первомъ же бою. За сутки передъ этимъ щель бой въ сторонѣ отъ насъ и продолжался, когда уже наступила темнота.

Было это верстахъ въ пяти и первая впечатлѣнія, точно это не война, а маневры. Видно было отлично, особенно ночью. Дастъ молнію пушечный выстрѣлъ, а потомъ видишь, какъ вспыхнетъ рвущаяся шрапнель. Въ уголъ боя насъ рано разбудили. Спали мы на соломѣ. Соломы было много. Закутаешься

Атака казаковъ подъ предводительствомъ храбрца-офицера, чудомъ уцѣлѣвшаго послѣ ста рукопашныхъ схватокъ съ непріятельской кавалеріей.

въ солону и тепло. Только утромъ адский холодъ.

Нашъ баталіонъ былъ въ головномъ отрядѣ. Должно быть начальство знало, что будетъ бой.

Переходы мы дѣлали большіе. А въ этотъ день и 12 в. не прошли еще, идемъ по нѣмецкой деревнѣ, какъ вдругъ въ концѣ ея показывается казакъ и машетъ краснымъ, точно въ крови, платкомъ. Баталіонный командиръ былъ впереди, засуетился, быстро отдалъ приказаніе разсыпаться цѣпи, и я со своей полуротой вышелъ изъ деревни уже въ цѣпи. Ровное такое открытое мѣсто. Прямо, впереди, шагахъ въ шестистахъ лѣсъ, а влѣво, поближе, небольшой лѣсокъ. Вотъ это и былъ мой участокъ. Черезъ все поле, немного наискосокъ къ нашему фронту, шла обыкновенная проселочная дорога, какъ и наши проселки: чуть-чуть углубленная. А тутъ ужъ изъ лѣсу стрѣляютъ, хоть ни души не видно.

Какъ разъ между нами и противникомъ проходитъ стадо коровъ, и одну корову должно быть ранили. Кровь струится у роговъ. Жалобно мычить эта корова и, вѣрите ли, такъ мнѣ ее жалко стало: вотъ ужъ ни въ чемъ не повинная.

Стрѣльба неприятеля стала частой.

— Бѣгомъ, ребята, на дорогу! Единственное думаю, прикрытіе, а то все мѣсто, какъ ладонь, гладкое.

Побѣжали. Залегли.

— Окопайся, говорю, а самъ смотрю въ бинокль и вижу, что нѣмцы хорошо спрятаны въ лѣсу, ни одной каски не видно.

— Стрѣлай, порѣже, каждую пулю береги. Поспокойнѣе цѣлься. Каждый изъ васъ пятерыхъ нѣмцевъ свалить долженъ.

А неприятельскій огонь все чаще и чаще. Просто дождь пуль. Меня уже стукнуло въ голову. Поднесъ руку къ виску—кровь. Отчего же, думаю, я не умираю? Но раздумывать некогда.

Оглядываюсь назадъ. За нами мѣстность чуть повыше, тамъ тоже наша цѣль и стрѣляютъ черезъ наши головы. Беру самъ пачку, разрываю и подбрасываю по одному, по два патрона.

— Ничего, ребята, сейчасъ въ штыки пойдемъ!

Не вѣрю я стрѣльбѣ и всей техникѣ и не люблю ихъ. Штыкъ всегда рѣшитъ, у кого душа крѣпче, и рѣшить окончательно.

А нѣмцы такъ и жарятъ изъ лѣска, что передъ нами. Ужъ на самой опушкѣ. Отчетливо такъ видны и безъ бинокля.

Пора!

— Приготовься, голубчики! Съ Богомъ. Ура! — подхватили, выбѣжали я впередъ, побѣжали и люди, какъ вдругъ, слѣва, «тра-та-та» затрещалъ нѣмецкій пулеметъ.

— Ложись! — крикнулъ я и самъ бросился на землю. Когда пулеметъ заслышавъ, это ужъ всегда правило такое— прежде всего ложиться.

Стнхъ пулеметъ. Вскрываю.

— Ура! — Оглядываюсь, ни одинъ не поднялся. Всѣхъ скосилъ пулеметъ. Видно, промедлили ложиться, сблизилъ въ кучки, а пулеметъ съ фланга. Тутъ я и самъ улалъ должно быть, отъ потери крови. Смутно только вижу, что идетъ уже густая нѣмецкая цѣпь, идетъ прямо на меня. «Добьютъ, думаю, канальи!».

Вотъ подошелъ одинъ: «Offizier! Aufstehen! Aufstehen!» толкаетъ онъ меня. Притворился мертвымъ. Не дышу. Другой подошелъ, за ногу взялъ и бросилъ. Какой-то за носъ дергаетъ.

Слава Богу, ушли.

Не тутъ-то было. Должно быть наши отступили далеко, на главные силы, потому что прошла черезъ меня и еще нѣмецкая банда. Та же исторія: дергаютъ, кричатъ «aufstehen». Одинъ злорадствовалъ надо мной, грозилъ: «Ha! Russischer Offizier!» И черезъ запекшуюся на рѣсницахъ кровь мнѣ видно было его искаженное злобной радостью лицо.

Когда прошли и эти, загромыкала артиллерія и, не дожидая меня, снялась съ передковъ и открыла стрѣльбу. Одно орудіе стало грохотать шагахъ въ пяти отъ меня. Думалъ, оглохну. А тутъ еще наша артиллерія открыла по нѣмецкой огонь, и мѣткій: шрапнели стали вращаться вблизи отъ меня, и послѣ каждого разрыва я радовался, что ни одной пули въ меня не попало.

Нѣмецкая пушка надо мной стала стрѣлять какъ-то рѣже. Повернулся я

Кирасиръ. Картина П. Смуровича.

потихоньку къ ней лицомъ, смотрю, а тамъ только два человека. И близко. Досталъ я кое-какъ своей Ноганъ, прицѣлился въ одного и выстрѣлил. Схватился нѣмецъ обѣими руками за шею около затылка и упалъ ничкомъ. Прицѣлился въ другого, выстрѣлил, тотъ опустился на колѣни, зашатался и медленно упалъ у колеса.

Не успѣлъ я револьверъ спрятать, какъ третій нѣмецъ, который подвозилъ къ орудію передокъ, бросился ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ револьверъ и въ упоръ, цѣлясь въ голову, выпустилъ въ меня двѣ пули. Пули только пробили фуражку и царапнули меня по черепу. Я со всею силой радости чувствовалъ, что живъ, но скорчился точно въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а потомъ вытянулся, точно умеръ.

Нѣмецъ не удовлетворившись этимъ, взялъ орудіе на передокъ и переѣхалъ черезъ меня орудіемъ. По счастью, я лежалъ въ небольшой лобжннкѣ, одна правая рука была наружу, и тяжелая ко-

леса только помяли меня, а рука была сломана.

Я лежалъ, не смѣя пошевелиться, то впадая въ забытье, то снова приходя въ сознание.

Нѣмцы уже отступали. Я слышалъ, а частью и видѣлъ, какъ проходили они мимо меня, но уже не трогали.

Наступила ночь. Я видѣлъ въ нашей сторонѣ огонь пожаровъ: то нѣмцы, уходя, подожгли покидаемые деревни.

Я поползъ. Прежде всего къ той грудѣ тѣлъ, въ которую обратилась моя полурота: нѣтъ ли кого въ живыхъ.

Напрасно я переползъ отъ одного къ другому: всѣ были мертвы и уже похолодѣли. Только одинъ оказался живымъ, съ прострѣленнымъ насквозь горломъ и плечомъ. Онъ былъ совсѣмъ безъ голоса и говорилъ хрипящимъ шепотомъ.

Мы поползли вдвоемъ, поддерживая другъ друга, въ нашу сторону. Было ужасно оставаться здѣсь, гдѣ насъ можетъ замѣтить нѣмецкій разъѣздъ. Пленъ, мученія и издѣвательства, а потому смерть. Мнѣ не приходилось самому видѣть, но мы много слышали о томъ, что нѣмцы звѣрски добиваютъ раненныхъ.

Мы ползли изо всѣхъ силъ, чуть вслушиваясь въ темноту. Обоимъ хотѣлось пить. Наткнулись случайно на лужу и стали пить изъ нея съ жадностью.

Поползли дальше. Вдругъ конскій топотъ заставилъ насъ прильнуть къ землѣ, затанъвъ дыханіе. «Пропали», подумалъ я. Мой товарищъ всматривался въ приближавшихся всадниковъ и зашепталъ:

— Ваше благородіе, это наши! Казаки! Ей Богу, казаки!

Тутъ уже я закричалъ во всю силу легкихъ:

— Братцы! Помогите!

Живо подскочили къ намъ. Сплѣнились, посадили обоимъ и хотъ трудно было и безпокойно на сѣдлѣ, но радостное сознание «у своихъ» помогало превозмогать боль и бодрило ослабѣвшія силы...

Вотъ теперь привезли меня сюда. Уже поправляюсь. Скоро выйду и туда опять. Объ одномъ только жалѣю: Государь былъ здѣсь, когда еще меня не было, и врядъ ли я Его теперь увижу. Только бы увидѣть Его, а тогда съ радостью пойду на смерть.

ВЪ РАЗВѢДКѢ.

Разсказъ офицера.

Господинъ В. Бѣловъ разсказываетъ въ «В. В.»:

Шло насъ четверо...

Впереди всѣхъ Карасенко, солдатикъ второй полуроты, невысокій, коренастый, съ насмѣшливымъ лицомъ молоденькой деревенской дѣвки. Вчера онъ былъ раненъ навелетъ въ ладонь, но сегодня уже убѣжалъ изъ лазарета и отпросился въ развѣдку.

Теперь онъ все время врался впередъ, несмотря на окрики, негромкіе, но внушительные...

Намъ свѣтила серебряная луна, озаряя небольшія лѣсныя полянки, поминутно попадавшіяся, и, скользя бѣлыми лучами, заставляла горѣть тусклымъ блескомъ штыки нашихъ винтовокъ.

«Онъ» былъ гдѣ-то впереди, таинственный непріятель, съ которымъ вчера наши передовыя части сдѣлились было, но который послѣдно отступилъ съ сумерками за густой, необслѣдованный нами лѣсъ.

Было очень холодно...

Шли, а иногда и ползли осторожно и почти безшумно... За каждымъ деревомъ казался непріятельскій часовой, каждый пенекъ, каждая крупная кочка превращались ночнымъ мракомъ въ сидящую фигуру австрійскаго солдата съ ружьемъ въ рукахъ...

Карасенко каждый разъ въ полголоса ругался по-хохлацки, злобно сплевывалъ и, поднявшись съ земли, смахивалъ росу съ колѣнъ.

Какъ только зашелъ за тучу свѣтлѣйшійся дискъ, словно вдругъ кто-то черной краской мгновенно залилъ все серебристыя просвѣты въ кружевномъ куполѣ темной лнсты надъ нашими головами, въ одно мгновеніе исчезли все очертанія, деревья, кочки, пни и мы погрузились въ таинственную пучину ледяного, черного, безъ просвѣта черного, океана...

Мы вдругъ перестали видѣть другъ друга и остановились...

— Луна... отъ... зашла видно, ваше благородіе,—услышалъ я голосъ Карасенко.—Теперь, ежели на ихъ дозоръ набредешь, мимо какъ разъ и пройдешь... не примѣтишь...

Пошли на ощупь... Впереди опять же Карасенко пробирался на четверенькахъ между деревьевъ и кустарниковъ, а за нимъ все остальные близко другъ къ другу, поминутно натываясь руками на мокрые сапоги впередъ ползушаго...

Иногда останавливались... Карасенко доставалъ компасъ и, загорюничавъ со всѣхъ сторонъ полами шинели, я на минуту зажигалъ электрической фонарикъ, и мы провѣряли правильность направленія...

Потомъ снова свѣтъ гасъ и ползли черныя тѣни людей въ темнотѣ по мягкой и мокрой травѣ.

Наконецъ, лѣсъ порѣдѣлъ...

— Вотъ и опушка, ваше благородіе, — сказалъ унтеръ-офицеръ, останавливаясь...

Прямо передъ опушкой высилась два громадные стога сѣна.

— Ваше благородіе, никакъ нѣмецъ? — Карасенко ткнулъ пальцемъ въ сторону дороги.

Мы все всмотрѣлись...

Дѣйствительно, на сѣромъ фонѣ шоссе выдѣлилась какая-то фигура, на краю у канала видимо сидѣлъ человекъ, пригнувъ голову къ колѣнямъ...

Темнота не позволяла различить его формы одежды...

— Надо подойти...

И начали медленно и осторожно подползать къ неподвижно сидящему человеку.

Наконецъ, приблизились настолько, что можно было различить его голову, и на ней мы замѣтили австрійское кэпи...

— Австрійскъ...— пробормоталъ Карасенко, берясь за винтовку...

Мы подошли еще ближе, и въ эту минуту австріецъ увидѣлъ насъ и повернулъ къ намъ голову...

Я увидѣлъ его лицо, блѣдное, усталое, и оно поразило меня тѣмъ, глубокимъ спокойствіемъ и безразличіемъ, которыми свѣтились его глаза...

— Сдавайся! — въ полголоса крик-

Подвигъ русскаго офицера, забаррикадовавшагося въ крестьянскомъ домѣ и отстрѣливавшагося въ теченіе трехъ часовъ отъ двадцати пруссаковъ.

нулъ Карасенко, хватая за руки сидящаго австрійца...

Тотъ не сопротивлялся, лицо его сохраняло то же выраженіе безразличія, глаза такъ же спокойно глядѣли въ темную даль поля...

Австріецъ казалось не замѣчалъ насъ или не хотѣлъ замѣчать, онъ былъ погруженъ въ какія-то иные размышленія, не имѣющія никакого отношенія къ войнѣ и окружающей обстановкѣ, онъ былъ поглощенъ какой-то иной всецѣло его занимавшей думой.

Я взялъ его за плечо и только тогда замѣтилъ, что это офицеръ: на его воротникѣ блестѣли двѣ звѣздочки...

— Вы взяты въ плѣнъ, — сказалъ я по-нѣмецки, — потрудитесь слѣдовать за мной...

Австріецъ казалось, не слушалъ меня или, вѣрнѣе, не понималъ моихъ словъ, онъ, не отрывая глазъ отъ темнаго горизонта, повелительно произнесъ:

— Оставьте ее... она дымится...

Я переспросилъ его, удивленный...

— Она дымится, потому что она сгорѣла...— повторилъ онъ.

И снова впалъ въ свою страшную задумчивость.

Это былъ сумасшедшій!..

— Что онъ говоритъ, ваше б-діе?— между тѣмъ, допрашивалъ меня Карасенко...

— Онъ сумасшедшій, братцы...

Солдаты молчали...

Однако, надо было идти дальше, а плѣннаго нельзя было оставить здѣсь.

Я рѣшилъ спрятать его за стогъ и оставить тамъ пока подѣ конвоемъ одного изъ солдатъ.

— Идемте,—сказалъ я, беря офицера подъ руку.

Онъ покорно всталъ и вдругъ взглянулъ на меня своими ужасными, равнодушными глазами.

— Вы говорите она не дымится; ну хорошо... посмотримъ...

Австріецъ вырвалъ свою руку, самъ обнялъ меня за талію, и мы тронулись быстро по дорогѣ къ стогамъ.

— Что-жъ, ваше б-діе, съ нимъ дѣлать теперича? — спросилъ Карасенко, когда мы приблизились къ стогамъ.— Жаль его... все-же... хоть онъ и ума рѣшилъ, а человекъ...

Офицеръ-кавалергардъ.

Карасенко все старался заглянуть въ глаза австрийцу, но тотъ глядѣлъ себѣ подъ ноги и шагаль быстро и сосредоточенно...

Около стога офицеръ покорно опустился на землю, завернувшись въ данную ему солдатомъ шинель...

— Вы правы... она не дымится... но погодите... погодите... она, вѣдь, синяя!..

Австриецъ лукаво подмигнулъ и засмѣялся мелкимъ дробнымъ смѣхомъ.

Оставивъ Карасенку стеречь плѣннаго, мы опять тронулись по дорогѣ, оставивъ за собой громадный черный силуэтъ стога сѣна съ двумя маленькими черными фигурками у его подножья.

Мы около двухъ часовъ бродили еще по необъятному темному полю, прячась по кустарникамъ и въ темнотѣ одинокихъ деревьевъ... Австрийцевъ вблизи не было...

Въ ту минуту, какъ мы опять вышли на дорогу, забросанную аммуницией и трупамъ лошадей австрийцевъ, гдѣ-то вдали прогремѣлъ одинокій оружейный выстрѣлъ, за нимъ другой и вдругъ въ темнотѣ небѣ взметнулся языкъ пламени и заалѣло разрастающееся зарево...

— Никакъ у стога!..—воскликнулъ унтеръ-офицеръ, и всѣ мы трое, не сказавъ другъ другу ни слова, кинулись бѣгомъ впередъ къ далекому зареву, быстро разрастающемуся въ темнотѣ небѣ.

Когда мы подбѣжали, стогъ весь пылалъ, какъ факель, а около другого копошился Карасенко, одной здоровой рукой ставаясь растащить сѣно подальше отъ сыпавшихся искръ...

— Запалилъ, запалилъ, проклятый!..—кричалъ онъ намъ еще издали.

Мы подбѣжали и, не спрашивая ничего, принялись помогать Карасенку... Между дѣломъ онъ намъ рассказывалъ все происшедшее за наше отсутствие.

— Какъ это вы, значитъ, ваше благородіе, отошли... мой нѣмецъ словно уснулъ... лежитъ не пикнетъ... я ему попить, значитъ, далъ, хлѣба краюшку... только онъ не ѣстъ... боленъ, значитъ... Ну я съѣлъ это подлѣ него на шинельку... такъ это съ нимъ по-хорошему, только онъ все молчитъ или по своему лопочеть... я сижу, а за винтовку, значитъ, держусь...

Сидѣли мы это сидѣли... и какъ бы позабылся немного, нѣмецъ мой тоже... только вдругъ вижу онъ что-то копошится... «Что это, говорю... Ваше б-діе, чего тебѣ надо», а онъ какъ вскочить, какъ побѣжить вокругъ стога... я за нимъ... хвать его за рукавъ, а онъ отъ меня...

Мнѣ, конечно, одной рукой его не удержать... побѣждалъ онъ... я стрѣлять... два раза стрѣльнуть... онъ упалъ, оглянулся я—стогъ, что твоя сѣна горитъ...

Между тѣмъ, уже понелъ переполохъ... подошли сосѣдніе дозоры, завидѣвъ зарево, прискакали изъ штаба ординарецъ узнать въ чемъ дѣло...

— Гдѣ же австриецъ? — спросилъ я Карасенку, когда суматоха улеглась, а отъ стога осталась только тлѣющая куча.

— Тама лежитъ,—ткнулъ тотъ пальцемъ въ поле.

Австриецъ лежалъ совсѣмъ недалеко... При робкомъ, сѣромъ свѣтѣ занимающагося дня я видѣлъ его безкровное, спокойное лицо, обращенное къ потухающимъ звѣздамъ, мертвые глаза его были такіе же равнодушные и ужасные...

Пуля Карасенку попала ему прямо въ затылокъ...

Мы положили трупъ сумасшедшаго австрийца на винтовки и съ первыми лучами проснуващагося солнца понесли въ лагерь.

Разсказъ солдата о подвигѣ прапорщика.

— Вывели это насъ съ утра на позицію впереди нашей артиллеріи.

Нашему батальону пришлось залечь вправо отъ пушекъ, а на лѣвомъ флангѣ заняли мѣсто роты другого полка.

Посрединѣ между нами широкій просвѣтъ, чтобы орудіямъ не мѣшало.

Начали наши пушки ухать.

Въ отвѣтъ загремѣлъ австриецъ.

Мы, значитъ, кто сидя, кто лежа, эту музыку слушаемъ да любимся, какъ неприятельскіе снаряды въ полуверстѣ отъ насъ землю роютъ и на мелкія части разрываются.

И сами радуемся: не долетѣ!

Наше пѣхотное дѣло было простое,—сиди да сторожи, какъ бы австрийки на нашихъ артиллерійствовахъ-голубчиковъ въ атаку не бросились.

Тогда, стало быть, выскакивай и, что есть духу, лупи врага, чтобы артиллеріи дать отодвинуться.

Долго мы сидѣли, только слышимъ—господинъ прапорщикъ и говоритъ намъ:

— Ребята! развѣ не видите, одна австрийская граната шлепнулась и не разтерзалась?

— Видѣть-то мы видѣли, но только это намъ ни къ чему было.

— Вотъ бы взять ее намъ,—говорить,—было бы лихо...

Ну, думаемъ, эта штука не легкая. другъ подлѣ дружки проклятыя ложатся и всѣ лопаются.

Поди-ка возьми ее—въ ключья изорветъ.

Только это мы думали, а онъ, прапорщикъ-то, глядимъ, ужъ ползетъ по полю за той самой гранатой.

Кричимъ ему вслѣдъ:

— «Ваше благородіе, пожалѣй себя, плюнь на нее, окаянину!».

Куда тутъ... отмахнулся только и дальше попоизъ.

Такъ вотъ, готовъ побожиться, у насъ у всѣхъ сердца замерли...

Пропалъ человекъ, молъ.

И знаете,—доползъ, ухватилъ онъ эту гранату и айда къ намъ.

Невредимый прибѣгъ.

Мы его поздравлять, а онъ:

— Вы думаете, ребята, это я изъ одного удачества?.. Какъ бы не такъ. Мы теперь доподлинно узнаемъ, на какомъ разстояніи отъ насъ неприятельскія пушки стоятъ. Видите на снарядѣ дистанціонную трубку?

Ну, да съ нами ему разговаривать некогда было.

Далъ ему тутъ-же батальонный свою лошадь, и онъ, обнявши гранату, скакалъ къ артиллеристамъ.

Такъ знаете, что вышло? Наши орудія черезъ часъ заставили замолчать всѣ австрийскія пушки.

Болгарскій герой—русскій генералъ.

Генералъ Радко-Дмитріевъ сейчасъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ генераловъ въ нашей арміи.

Люди, побывавшіе подлѣ его начальствомъ, говорятъ о немъ съ громаднымъ удивленіемъ.

Вотъ разсказъ раненаго офицера о любимомъ начальникѣ.

— Мы узнали только на позиціяхъ, что наша часть входитъ въ составъ отряда, которымъ командуетъ болгарскій герой.

Объ этомъ толковали еще по дорогѣ, въ вагонахъ, но въ точности еще не было извѣстно.

Какъ намъ хотѣлось попасть именно къ нему!

Солдаты, не выдавши его ни разу, складывали о немъ цѣлыя легенды.

Слава побѣды надъ турками окружила его яркимъ ореоломъ...

Мы высадились на послѣдней станціи.

Это было ночью: горѣлъ на платформѣ каменный фонарь, и я еще изъ вагона увидѣлъ невысокаго, коренастаго генерала съ серебряными погонами.

Онъ распорядился и двигался быстро какой-то летающей походкой.

Поѣздъ остановился.

Солдаты начали выскакивать изъ вагоновъ.

Тутъ я услышалъ первыя слова коренастаго генерала—это и былъ Радко-Дмитріевъ:

— Прежде всего ихъ надо накормить. Все остальное успеется.

Солдаты узнали его сразу, и по платформѣ раскатилось единодушное «ура».

Путь былъ долгій, но всѣ сразу повеселѣли, отъ усталости не осталось и слѣда.

Выгружали пулеметы, ѣхавшіе съ нами, и сложное полковое хозяйство.

Генералъ носился отъ вагона къ вагону своей быстрой походкой, наблюдалъ за каждой мелочью.

И его провожали восторженные влюбленные взгляды.

— Соколы нашъ!..—говорили солдаты.

Кипѣли съ горячей пищей огромные котлы.

Генераль съ изумительной быстротой успѣлъ принять всѣ необходимыя бумаги, выслушавъ рапорты, и произнесъ:

— А теперь принимайтесь за кашу изъ австрійскихъ крупъ. Выступить надо, не задерживаясь; завтра увидите врага.

Храбрость генерала Дмитріева выше всякихъ похвалъ.

Цѣлые дни проводитъ на позиціяхъ и, взглядомъ опытнаго хозяина, наблюдаетъ за каждой мелочью.

Разсказъ офицера-развѣдчика.

...Я былъ посланъ на развѣдку съ пятьюдесятью людьми.

Отѣхавъ версты двѣ отъ нашихъ боевыхъ позицій, занятыхъ пѣхотой, мои дозоры донесли, что впереди находится забарикадированный мостъ, за которымъ расположились въ окопахъ пруссаки.

Я приказалъ спѣшиться и открыть огонь. Винтовки затрещали.

Пруссаки сначала отвѣчали, но нашъ огонь былъ такъ энергиченъ, что неприятель не выдержалъ и началъ отступать.

Мы снова вскочили на коней и пустились ихъ преслѣдовать.

Доскакавъ до моста, мы быстро разобрали барикады и понеслись дальше.

Черезъ нѣкоторое время я замѣтилъ впереди быстро уѣзжавшую телѣгу.

Я отбѣлилъ часть людей и приказалъ имъ догнать и задержать уѣзжавшихъ. Въ телѣгѣ оказалось семь раненыхъ и снаряженіе.

Часть пруссаковъ, отступая, отошла вправо и заняла небольшой островокъ среди болотистой трясины, черезъ которую у нихъ заблаговременно была устроена узенькая дорожка.

Этотъ отрядъ открылъ огонь по нашимъ людямъ, останавливавшимся телѣгу, причемъ былъ раненъ одинъ изъ нашихъ нижнихъ чиновъ и убиты двѣ лошади; одновременно пруссаки убили и двухъ своихъ лошадей запряженныхъ въ телѣгу, и ранили трехъ женщинъ, сопровождавшихъ ихъ раненыхъ.

Въ то же время другая часть пруссаковъ, спрятавшаяся слѣва, въ лѣсу, начала обстрѣливать насъ.

Двое моихъ солдатъ бросились на неприятеля, укрывшагося на островкѣ, но лошади ихъ завязли въ трясины, и въ одно мгновеніе ока они были разстрѣляны.

Я рѣшилъ тогда атаковать тѣхъ пруссаковъ, которые засѣли слѣва въ лѣсу.

Я сталъ поворачивать лошадей, но въ это время шальная пуля ранила моего коня въ шею, и онъ понесъ меня по шоссе мимо пруссаковъ.

Неприятель открылъ по мнѣ жестокий огонь, но ни одна пуля не попала въ меня, потому, должно быть, что я былъ слишкомъ близко.

Кое-какъ я справился, наконецъ, съ лошадей и повернулъ ее, но въ тотъ же моментъ мой конь былъ убитъ.

Я успѣлъ соскочить и пошелъ къ своимъ пѣшкомъ. Я сбѣгалъ, однако, не больше десяти шаговъ, какъ былъ раненъ въ колѣно и упалъ.

Военный советъ офицеровъ въ Галиціи.

— Офицеръ готовъ! — услышавъ я радостный крикъ пруссаковъ, и тотчасъ же два неприятельскихъ солдата и офицеръ бросились ко мнѣ.

Я выхватилъ браунингъ и двухъ изъ нихъ уложилъ. Уцѣлѣвшій солдатъ кинулся обратно къ своимъ, которые снова открыли по мнѣ жестокий огонь.

Падавшія вокругъ меня пули подняли цѣлую тучу пыли и, воспользовавшись этимъ прикрытіемъ, я переползъ на шоссе и скрылся въ канавѣ.

Пруссаки не замѣтили этого и продолжали обстрѣливать то мѣсто, гдѣ я лежалъ.

Тѣмъ временемъ мои солдаты, справившись съ отрядомъ пруссаковъ, зашедшихъ въ лѣсу, вернулись назадъ и стали искать меня.

Я приподнялся и взмахнулъ шапкой. Увидѣвъ знакомый сигналъ, солдаты съ крикомъ «ура» бросились ко мнѣ.

Пруссаки не замѣтили всей этой сцены и, видимо, подумавъ, что подошло подкрѣпленіе, пустились наутекъ.

Наши еще пострѣляли имъ вдогонку, потомъ подняли меня на сѣдло, захватили снаряженіе съ убитыхъ лошадей, и мы благополучно вернулись къ своей части.

Солдаты о русскихъ офицерахъ во время боя подъ Сольдау.

«Бой былъ жаркій. Дрались день и ночь безъ перерыва. Нѣсколько сутокъ подъ-рядъ, не

смокая, гремѣла орудійная канонада и трещала ружейная пальба.

Кругомъ стояли смрадные клубы дымы, вздымалась пыль отъ зарывшихся въ землю гранатъ, которыя со свистомъ и воемъ пролетали надъ головами.

По ночамъ облака на небѣ казались кроваво-красными.

Это было зарево вспыхнувшихъ кругомъ при орудійномъ обстрѣлѣ пожаровъ.

Горѣли окрестныя германскія селенія.

Зарево пожара сливалось со свѣтомъ прожекторовъ.

Видно только было, какъ изъ неприятельскаго лагеря сыпался почти непрерывный огонь.

Днемъ иногда неприятель былъ близко. Нѣсколько разъ русская армія имѣла намѣреніе перейти въ штыковой бой, но въ такихъ случаяхъ неприятель тотчасъ же отступалъ.

Прибывшіе раненые солдаты съ восторгомъ говорятъ о поведеніи на войнѣ русскихъ офицеровъ.

Офицеры показывали доблестный примѣръ нижнимъ чинамъ.

Всегда безстрашно первыми они кидались въ самыя опасныя мѣста.

— Даже жалостно смотрѣть на нихъ было, — говоритъ одинъ раненый. — Мы, солдаты, выберемъ моментъ, да окопаемся, а офицеръ стоитъ прямо, какъ свѣча, и не дрогнетъ подъ огнемъ.

Русскіе офицеры молятся въ Казанскомъ соборѣ передъ походомъ.

„Поквитались“.

Шли они вдвоемъ, подпоручикъ и рядовой Шеляпинъ, по темному полю къ далекой, чернѣющей рошѣ провѣрить часовыхъ...

Трава была еще сочная и мягкая, ноги ступали безшумно, и обѣ человѣческія фигуры неслышно подвигались впередъ...

Неприятель былъ гдѣ-то недалеко, гдѣ-то за рошей, но гдѣ именно, никто не зналъ, и потому всѣ были на чеку...

И вдругъ, когда подпоручикъ и Шеляпинъ были уже въ пятидесяти, не больше, шагахъ отъ роши, раздались два неожиданныхъ выстрѣла... Словно ножомъ, рѣзнуло Шеляпина по ногѣ, нога подвернулась, и онъ упалъ...

Но, падая, успѣлъ схватить за шпатель подпоручика и крикнуть только одно слово: падайте!...

Инстинктивно подчиняясь солдату, подпоручикъ тоже свалился, и упали они оба такъ естественно, такъ ловко, что никто не замѣтилъ бы фальши...

Подпоручикъ слышалъ, какъ прошли мимо нѣсколько нѣмцевъ, слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ произнесъ: «оба убиты... хорошіе выстрѣлы», и лежалъ, затаивъ дыханье, подъ тяжестью наваливагося на него Шеляпина...

Шаги удалились...

— Шеляпинъ,—тихонько окликнулъ офицеръ...

— Тихо, ваше благородіе... потерпите...

Полежали еще нѣсколько минутъ въ той же позѣ и только, когда убѣдились, что нѣмцы дѣйствительно удалились, офицеръ вылезъ изъ-подъ Шеляпина и сѣлъ на траву.

— Ранень ты куда, братецъ?—заботливо спросилъ онъ...

— Въ ногу, кажись, ваше благородіе...

— Ну, пойдешь!.. я тебѣ помогу, а то, поди, нѣмцы вернутся, еще добьютъ, пожалуй...

Съ трудомъ поднялся на ноги Шеляпинъ, но съ еще большимъ трудомъ тащилъ его на себѣ почти полторы версты подпоручикъ. А прощаясь съ солдатомъ въ госпиталь, куда онъ его доставилъ, офицеръ сказалъ:

— Ну, Шеляпинъ мы теперь съ тобой квиты: не будь тебя и твоей находчивости, убили бы меня нѣмцы, а не будь меня—некому было бы тащить тебя съ поля въ лазаретъ... Будь здоровъ... Поправляйся, братецъ!..

Умремъ, но не сдадимся.

Разказъ офицера.

— Я былъ посланъ командиромъ полка пронести развѣдку.

Взявъ съ собой восемь нижнихъ чиновъ, я отправился къ лѣсу. Ночь была темная.

Кругомъ насъ все время разрывались снаряды и жужжали пули.

Мы легли на землю и поползли.

Когда мы были въ пятнадцать шагахъ отъ цѣпи, мы услышали, что съ право стороны отъ насъ захрустѣли вѣтки. Очевидно, нѣмцы замѣтили насъ и стали обходить. Мы отошли влѣво, но и здѣсь наткнулись на нѣмцевъ. Вскорѣ и сзади послышался шумъ. Мы были окружены...

Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, мы замѣтили блестящіе штыки. Вынувъ изъ кобуры револьверъ, я рѣшилъ застрѣлиться, но не сдаваться нѣмцамъ въ плѣнъ.

Перекрестившись, я крикнулъ:

— Ребята, впередъ! Умремъ, но не сдадимся!

И бросился впередъ.

Нѣмцы не ожидали натиска. Первый рядъ мы перекололи, а остальные разбѣжались.

— 5/2 —

Сестра милосердія читаєть тяжело-раненому офицеру письмо отъ родныхъ.

Гимнъ на полѣ битвы.

(Разсказъ раненаго офицера.)

...Бой былъ въ полномъ разгарѣ..

И вотъ въ этомъ сплошномъ вихрѣ пуль, когда мы подошли уже почти на 400 шаговъ къ германскимъ окопамъ, вдругъ наступило затишье.

Мои солдаты продолжали съ остервенѣніемъ стрѣлять, но ясно было, что нѣмцы уже не отвѣчаютъ.

Скоро стихли и мои и стало жутко, тихо...

И вдругъ, тихое, а потомъ полнымъ голосомъ нѣмце.

Громче и громче оно понеслось по всей линіи.

Мы не вѣрили своимъ ушамъ.

Но нѣмцы, дѣйствительно, пѣли «Отче нашъ».

Не знаю, сколько времени продолжалось это.

Къ ротѣ подошелъ командиръ полка и снялъ фуражку.

Солдаты тоже стали снимать.

Чувствовалось, что это не хитрость, а настоящее и очень одухотворенное пѣніе.

Потомъ оно стихло.

Мы молчали.

Вдругъ командиръ схватилъ знамя, высоко поднявъ его надъ цѣвью и громко и отчетливо запѣлъ «Боже, Царя храни».

Что мы тутъ почувствовали—не могу вамъ выразить, но мы такъ запѣли, какъ, кажется, никогда не пѣвали.

Громко и дружно мы спѣли гимнъ и командиръ стоялъ и пѣлъ съ нами.

Потомъ онъ началъ «Отче нашъ».

Мы подхватили и это.

Когда стихъ послѣдній звукъ, онъ выбѣжалъ впередъ и командовалъ въ штыки.

Сразу поднялась вся цѣпь, и мы побѣжали.

Первое, что я увидалъ, это, какъ упалъ командиръ.

Но тутъ подбѣжалъ нашъ баталіонный и, выхвативъ знамя, побѣжала дальше.

Я хорошо помню, что онъ тоже упалъ, но знамя снова поднялось надъ бѣгущей цѣвью.

Офицеры въ бою.

Раненый капитанъ Н., только что прибывшій изъ-подъ города Варшавы, рассказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ изъ послѣднихъ боевъ.

— Начинало разсвѣтать... Только что протрубили сборъ и мы выѣхали къ окопу пятой роты, какъ началась канонада. 5-я рота за ночь успѣла вырыть окопъ для стрѣльбы стоя. Снаряды падали и рвались все ближе къ нашей группѣ. Горнистъ Ивановъ, Георгиевскій кавалеръ, участникъ русско-японской войны, видя усиленный огонь неприятеля, соскочилъ съ лошади и лопатой вырылъ окопъ для нашего командира, полковника В., однако, полковникъ не пожелалъ имъ воспользоваться и отдалъ нужныя приказанія, направилъ на лѣвый флангъ нашего окопа, взявъ съ собою меня и поручика С. Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе. Въ воздухѣ держалась страшно удушливая

вонь, а глаза прямо бѣло отъ дыма. Нѣмцы стрѣляли изъ осадныхъ орудій своей 10-й батареи.

Въ то время, какъ мы двигались уже по окопу, поручикъ С. продолжалъ спокойно идти по верху.

На предложеніе полковника спуститься внизъ и побересть себя, поручикъ С. спокойно отвѣтилъ:

— Все равно, я уже раненъ въ руку. Я подбѣжалъ къ нему; рука его была въ крови, осколкомъ проранили ему вырвало изъ руки кусокъ мяса.

Огонь сдѣлался положительно невыносимымъ; казалось, что на каждомъ квадратномъ аршинѣ ложится снарядъ.

Въ это время нѣмцы двинулись къ рѣкѣ, желая совершить переправу.

Полковникъ приказалъ баталіону двинуться навстрѣчу нѣмцамъ.

Бодро и спокойно тронулись наши молодцы на линію огня и, подойдя къ берегу рѣки, остановились и залегли.

Нѣмцы уже, несмотря на ледяную воду, пошли въ рѣку, чтобы перейти ее въ бродъ, слѣдуя то по поюсъ, то по горло въ водѣ. Наши залпы и учащенный огонь пачками сотнями выривали ихъ изъ строя, и трупы ле-

Офицеръ-казакъ.

приятеля положительно затруднили всю рѣку на мѣстѣ брода. Сначала я замѣчалъ выскакивающихъ съ носилками нѣмецкихъ санитаровъ, но скоро они перестали показываться. Часть неприятеля не выдержала и бросилась назадъ, а часть кинулась на наши окопы, однако, не многимъ удалось добѣжать до насъ.—Надо полагать, тутъ ихъ полегло около 2000 человекъ.

Раздалась команда:

— Въ атаку!

Какъ желѣзная стѣна двинулись наши стрѣлки на нѣмцевъ во главѣ со своимъ командиромъ, который, высоко поднявъ шашку, бѣжалъ впереди своего полка.

Нѣмцы не выдержали этого натиска и бѣжали, и только оставшіяся небольшія группы были переколоты.

Три раза мы бросались на нѣмцевъ, и всѣ три раза они бѣжали отъ насъ, не принимая штыкового боя.

На протяженіе 10 верстъ гнали мы нѣмцевъ и, наконецъ, выбивъ ихъ окончательно изъ позицій и занявъ уг-

режающее положеніе по отношенію къ ихъ центру, прекратили свое преслѣдованіе. Въ награду за нашу отвагу, намъ достались 6 тяжелыхъ орудій, 8 пулеметовъ, много зарядныхъ ящиковъ, ружей и пѣльныхъ.

Русскій офицеръ въ германскомъ несгораемомъ шкафу.

Въ частномъ письмѣ русскій офицеръ сообщаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ.

Послали меня съ командой развѣдчиковъ развѣдать деревню.

Поѣхали.

Пріѣзжаемъ, все честь честью—кури, свиныи и больше ничего.

Посылаю двухъ всадниковъ впередъ, опять ничего.

Докладываютъ, что неприятеля нѣтъ. Двинулись вглубь деревни.

Вдругъ раздались учащенные ружейные выстрѣлы изъ сосѣдняго зданія.

Я приказалъ окружить его.

Вошли во внутрь — 2 офицера и 5 нижнихъ чиновъ; мы ихъ забрали и расположились во дворѣ.

Какъ потомъ оказалось, въ деревнѣ находился цѣлый кавалерійскій неприятельскій развѣздъ.

И вотъ, въ то время, когда я пошелъ осматривать занятый нами домъ, развѣздъ этотъ, слыня ружейную пальбу, бросился сюда.

Слышу во дворѣ крики моихъ людей: «Ваше благородіе, неприятель скачетъ. Смотрите изъ окна!»

«Гляжу, дѣйствительно, человекъ 60 кавалеристовъ мчатся сюда и уже по дорогѣ открыли стрѣльбу по моему взводу.

Вижу, дѣло плохо.

Я моментально заперъ единственную входную дверь и забаррикадировалъ ее бывшимъ въ комнатѣ комодомъ и другими вещами, а самъ сталъ у окна и жду, что будетъ.

Смотрю, человекъ 10 кавалеристовъ, оставивъ своихъ лошадей, направляются къ дому.

Я открылъ изъ окна частую стрѣльбу изъ револьвера.

Въ училищѣ я прекрасно научился стрѣлять, такъ что изъ ста бывшихъ при мнѣ патроновъ, я выпустилъ 70 штукъ и уложилъ около 30 нѣмцевъ.

Да и какъ было не уложить, когда они лѣзли напроломъ, а у меня оказалась прекрасная позиція: чтобы войти въ домъ, надо непременно пройти мимо окна.

Учащенная моя стрѣльба дала поводъ неприятелю думать, что насъ много.

Стало вдругъ тихо. Оказалось, они подождали домъ. Положеніе создалось критическое.

Смотрю, въ другой комнатѣ въ стѣнѣ несгораемый шкафъ (это была нѣмецкая хлѣбная контора).

Я туда и прикрывъ дверь. Здѣсь просидѣлъ я болѣе часа.

И когда вышелъ изъ своей засады, наружная часть дома уже обгорѣла.

Во дворѣ я увидѣлъ своихъ людей, которые разыскивали меня.

Оказалось, что къ моему взводу была поддержка, которая и обратила лѣбѣство неприятельскій развѣздъ.

Какъ русский офицеръ командовалъ нѣмецкой батареей.

Командиръ нашей батареи замѣтилъ, что нѣмцы очень быстро и точно опредѣлили мѣсто нахождения его батареи. Перебѣнилъ позицію — опять снаряды летятъ на самую батарею, перебѣнилъ еще разъ — то же самое.

— Дѣло неладно, — думаетъ онъ, — вѣроятно нѣмцамъ кто-то, даетъ знать, гдѣ батарея...

Случайно его взглядъ упалъ на нѣтранныю мельницу. Уже не съ нея ли кто сигнализируетъ нѣмцамъ? На мельницу скачетъ офицеръ батареи съ двумя нижними чинами.

Что же оказалось? На мельницѣ подъ самой крышей сидѣло два нѣмецкихъ солдата и преспокойно сообщали по телефону своимъ о переѣздѣ нашей батареи на новую позицію и о томъ, гдѣ падали ихъ снаряды.

Нѣмцы были «сняты» въ то время, когда одинъ изъ нихъ, держа трубку у уха, говорилъ по-нѣмецки:

— Перелетъ...

Снявъ нѣмцевъ, офицеръ хотѣлъ было уничтожить телефонъ, но ему пришла въ голову блестящая мысль — онъ зналъ нѣмецкій языкъ:

— Батарея снимается. Вправо... — говоритъ онъ по-нѣмецки въ телефонъ.

И тотчасъ же нѣмецкіе снаряды летятъ вправо, обстрѣливая якобы передвигавшуюся нашу батарею, а она, конечно стоитъ на мѣстѣ.

— Еще вправо... Не долетѣть... Не долетѣть... Перелетѣть... Вѣрно.

Нѣмцы послушно передвигаютъ свой огонь вправо; ихъ снаряды рвутся тамъ, гдѣ никого нѣтъ.

До конца боя стоялъ нашъ офицеръ у телефона и водилъ ихъ за носъ.

Какія только цѣли ни выдумывалъ онъ и нѣмцы послушно обстрѣливали пустое пространство.

Сколько даромъ снарядовъ потратили.

Можно представить себѣ ихъ ярость, если бы ни узнали о томъ, что ихъ огнемъ управляетъ русскій офицеръ.

— Хитеръ нѣмецъ, а мы его перехитрили, — смѣялись наши солдаты...

Подвиги нашихъ офицеровъ-развѣдчиковъ.

Поручикъ Р. отличился подъ В. Молодой герой съ охотниками изъ нижнихъ чиновъ направился ночью къ городу, желая узнать расположеніе окоповъ.

При нихъ былъ пулеметъ.

Маленькій отрядъ отважно вошелъ въ деревню передъ городомъ.

Съ фронтовыхъ позицій особенно тревожили насъ два орудія.

Р. успѣлъ втащить пулеметъ на крышу одного изъ домовъ и направилъ на артиллеристовъ, которые были совсѣмъ близко и громили нашихъ.

Неожиданная стрѣльба пулемета чуть ли не въ центръ неприятельскаго расположенія такъ смутила нѣмцевъ, что они быстро очистили позицію, оставивъ оба орудія и, разумѣется, потерявъ много людей подъ пулеметнымъ огнемъ.

Герой — офицеръ въ прошлую войну рассказываетъ главнокомандующему о боѣ, въ которой потерялъ почти всю роту.

Черезъ нѣсколько часовъ городъ былъ взятъ.

Тотъ же офицеръ успѣвалъ неоднократно проникать чуть ли не къ самымъ неприятельскимъ окопамъ съ телефоннымъ аппаратомъ и давалъ цѣнныя указанія нашимъ артиллеристамъ.

Подвиги поручика Р. уже создали легенды вокругъ его имени.

Такія же отважныя дѣла совершаетъ другой нашъ герой поручикъ С.

Прибывшіе раненые передаютъ, что С. подъ М. вмѣстѣ съ нижними чинами проникъ въ лѣсокъ, за которымъ уже начинались вражескіе окопы.

С., оставивъ нижнихъ чиновъ, совершилъ отчаянную развѣдку, проникнувъ въ самый городъ.

Для этого онъ успѣлъ достать у крестьянина-поляка платье рабочаго и въ этомъ платьѣ попалъ въ городъ, занятый нѣмцами.

Конечно, онъ узналъ многое полезное для русскихъ и, чудомъ уцѣлѣвъ отъ вражескихъ рукъ, вернулся къ своимъ.

Нижніе чины ожидали его въ лѣсу въ теченіе четырехъ дней, скрываясь на деревьяхъ.

Одинъ изъ многихъ тысячъ скромныхъ героевъ.

(Отрывки изъ письма).

Авторъ — двадцатипятилѣтній прапорщикъ, до отправления своего на войну меньше всего отличавшійся воинскимъ духомъ и жаждой геройскихъ подвиговъ.

Самый рядовой, мирный обыватель. И вотъ что онъ пишетъ:

— Живъ и невредимъ! Глупо только, что принужденъ валяться въ госпиталѣ

изъ-за болѣзни почекъ отъ спанья на сырой землѣ, да въ ямахъ съ водой. Участвовалъ я во многихъ бояхъ. Назначенъ командиромъ 1-й роты. Не раненъ! Впечатлѣніе отъ перваго боя осталось на всю жизнь и, представьте себѣ, совсѣмъ не страшно. Забываешь все кругомъ и не обращаешь вниманія на шrapнели и пули. Летятъ, свистятъ, рвутся шагахъ въ 15 и ничего. Только когда область землей, кивнешь головой и дальше впередъ.

Приходилось прапорщику нѣсколько разъ ходить въ штыки.

— Такое чувство, какъ будто бы идешь съ высокой горы на саняхъ. Закричишь «ура» и бѣжишь съ шашкой прямо на австрійскій окопъ.

Однажды прапорщикъ проявилъ настоящее геройство, задержавъ натискъ неприятеля и тѣмъ давъ возможность нашимъ занять прекрасныя позиціи, въ результатѣ чего австрійцы оказались разбитыми.

Изъ всего отряда, удержавшаго натискъ многочисленнаго неприятеля, остались въ живыхъ только самъ прапорщикъ и фельдфебель.

Въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ описываетъ авторъ свой подвигъ и гордостью звучатъ лишь заключительныя строки его повѣствованія:

— За выполненную задачу батальонный пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что я спасъ весь батальонъ. И больше ничего.

Герой поручикъ Капитановъ.

Въ Херсонѣ похороненъ поручикъ Капитановъ, погибшій геройской смертью.

Передъ боемъ покойный былъ совершенно боленъ.

Температура у него достигала сорока градусовъ.

Ротный командиръ настаивалъ, чтобы поручикъ не ходилъ въ бой.

Однако, герой не послушался ротнаго командира, бросился въ атаку и здѣсь погибъ геройской смертью.

Подвигъ подпрапорщика Лягушкина.

Подпрапорщикъ - пограничникъ Лягушкинъ въ концѣ августа, въ періодъ дѣйствій нашей кавалеріи противъ Сандомира, добровольцемъ пробрался въ занятый австрійцами городъ, и каждую минуту рискуя жизнью, оставался въ немъ болѣе сутокъ, причемъ успѣлъ произвести развѣдку неприятельскихъ укрѣпленій.

Собравъ весьма цѣнные данныя о расположеніи батарей противника и группировкѣ его силъ, Лягушкинъ скрытно вернулся къ своимъ и доставилъ начальнику отряда свое обстоятельное донесеніе.

Случаи, свидѣтельствующіе о высокомъ подъемѣ духа въ нашей арміи, безчисленны.

Здоровые безстрашно готовятся къ новымъ боямъ.

Раненые спѣшатъ вернуться въ строй.

На пути къ войскамъ то и дѣло встрѣчаются не вполне оправившіеся офицеры—прихрамывающіе, съ недавно снятыми повязками.

Въ разгарѣ боевъ въ послѣднихъ числахъ августа былъ даже одинъ «недисциплинарный» случай во имя желанія раненаго скорѣе вернуться въ строй: пѣхотный прапорщикъ, раненый въ ногу и помѣщенный въ военно-санитарный поѣздъ для отправленія въ тылъ, самовольно оставилъ поѣздъ и съ трудомъ добрался до перваго штаба; здѣсь раненый просилъ дать ему возможность поскорѣе найти свою часть.

«Тамъ теперь дерутся и умираютъ,—объясняетъ молодецъ,—и я пригжусь».

Послѣ гибели генерала Самсонова.

Громадную услугу оказали на театрѣ военныхъ дѣйствій наши офицеры автомобилисты.

Многіе изъ нихъ представлены къ наградамъ за смѣлое, геройское, умѣлое и удачное извлеченіе раненыхъ съ передовыхъ позицій.

Трогательныя сцены разыгрываются во время переноски раненыхъ.

Такъ, одинъ прапорщикъ, со знакомъ отличія на груди, съ пораженнымъ шрапнелью лицомъ, слезно проситъ врачей и санитаровъ, какъ можно скорѣе «починить его», съ тѣмъ, чтобы ему скорѣе вернуться на передовую позицію.

— Я хочу отомстить нѣмцамъ,—говоритъ прапорщикъ,—за моего генерала Самсонова.

Изъ разговоровъ съ ранеными офицерами выясняется, что нашъ штабъ съ генераломъ Самсоновымъ, Пестичемъ и Мартосомъ во главѣ убиты шрапнелью, которая разорвалась именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ роковой моментъ стояли генералы.

Офицеръ и вахмистръ.

Подъ офицеромъ, стремившимся къ неприятельскому орудію и уже раненымъ, хотя онъ своей раны не замѣтилъ, была убита лошадь, которая придавила подъ собою офицера.

Въ моментъ паденія офицеръ замѣтилъ, что къ орудію прорывается вахмистръ, но на пути ему попался здоровый нѣмецъ, съ которымъ вахмистръ схватился грудъ съ грудью.

Нѣмецъ впился руками въ горло русскому солдату, — еще секунда, и нашъ солдатъ будетъ сломленъ.

Офицеръ, напрявши послѣднія силы, кое-какъ извернулся подъ придавившей его лошадей, выхватилъ револьверъ и третью пулю уложилъ нѣмца.

Освободившись вахмистръ однимъ прыжкомъ очутился у орудія и съ побѣднымъ «ура» вскопчилъ на него верхомъ.

Когда подбирали раненыхъ, офицеръ, уже теряя сознание, сказалъ подававшимъ ему помощь:

«Не забудьте передать командиру полка, что первымъ подошелъ къ орудію вахмистръ М...» и впалъ въ забытіе.

Вахмистра представили командиру полка. Командиръ благодарилъ вахмистра за молодчество и сказалъ, что представить его къ Георгію.

— Дозвольте доложить, ваше превосходительство, Георгія нужно не мнѣ, а господину ротмистру В.

Ихъ благородіе застрѣлили нѣмца, который меня душилъ, а то мнѣ не то что подойти къ пушкѣ, а живому бы не быть. Такъ Георгію слѣдуетъ ихъ благодарію...

Съ коня на паровозъ Лихое кавалерійское дѣло.

Несмотря на отчаянное сопротивленіе венгерцевъ, наша кавалерійская дивизія за Карпатами оказывала чудеса храбрости.

Такъ на одной изъ станцій за Карпатами отошелъ австрійскій поѣздъ съ солдатами и продовольствіемъ.

Пользуясь тѣмъ, что поѣздъ шелъ въ гору и такимъ образомъ замедлилъ ходъ, эскадронъ нашей кавалеріи подъ начальствомъ командира бросился на перерѣзъ поѣзду.

Кавалерія догнала поѣздъ. Командиръ эскадрона вскопчилъ на паровозъ и остановилъ поѣздъ.

Всѣ венгерцы были перебиты, запасы захвачены.

Пушки на рукахъ. (Подвигъ полковника К.).

Раненые передаютъ объ удивительномъ подвигѣ привезеннаго въ числѣ офицеровъ полковника, представленнаго къ Георгіевской наградѣ.

Полковникъ съ батареей отражалъ въ теченіе многихъ часовъ стремительныя атаки превосходящаго своей численностью неприятеля.

Дѣло было на галиційскихъ поляхъ. Ловкими мѣнами позицій полк. К. сбивалъ съ толку неприятеля, который долженъ былъ отступить подъ мѣткимъ огнемъ.

Выстрѣлы враговъ разили лошадей нашихъ орудій.

Неприятель получилъ подкрѣпленія и уже перешелъ въ наступленіе.

Полков. К. видитъ, что дѣло плохо. — Братцы, не отдадимъ врагамъ нашихъ пушекъ!—раздался голосъ командира.

Самъ онъ бросился къ первому орудію.

Офицеры и солдаты за нимъ. Многие были ранены.

Дружными успіями сдвинули орудія съ мѣстъ и подъ шрапнельной тучей перевезли орудія почти безъ потерь на разстояніе нѣсколькихъ верстъ.

Тамъ подошли наши, и батарея была спасена отъ пѣненія.

Во время этого удивительнаго увоза орудія полк. К. былъ раненъ, но не покинулъ своихъ орудій, пока не успокоился, чтобы обозы и пушки оказались въ безопасности.

Подвигъ полковника М.

Вотъ краткій разсказъ о необычайномъ подвигѣ полковника М. во время бомбардировки Осовца.

Въ то время, когда всѣ сидѣли поды прикрытіемъ, онъ забрался на вышку, которая уцѣлѣла какимъ-то чудомъ, тогда какъ стоявшее за нею дерево было снесено.

Въ теченіе трехъ сутокъ полковникъ М. не сходилъ съ вышки, сообщая по телефону, какъ нужно направлять стрѣльбу.

При этомъ нужно замѣтить, что у полковника М. въ спинѣ сидитъ пуля, полученная на развѣдкахъ.

Когда бомбардировка кончилась, полковникъ М. былъ снятъ съ вышки цѣлымъ и невредимымъ, но въ состояніи глубокаго сна.

Онъ заснулъ послѣ того, когда нападеніе на крѣпость прекратилось, такъ какъ трое сутокъ все время говорилъ по телефону и не спалъ.

Теперь полковникъ М. лечитъ свою пулевую рану.

Героическая смерть на посту штабсъ-кап. Сперанскаго.

Прибывшіе вчера съ театра военныхъ дѣйствій раненые передаютъ о героической смерти штабсъ-капитана Сперанскаго.

Герой штабсъ-капитанъ находился съ пулеметомъ на одной изъ нашихъ позицій.

Нѣмцы вели наступленіе.

Задача штабсъ-капитана Сперанскаго была задержать атаку неприятельскихъ войскъ и тѣмъ самымъ дать возможность нашимъ войскамъ перейти на другую позицію.

Во время атаки, выстрѣлами нѣмецъ было ранено нѣсколько нашихъ солдатъ, находившихся вмѣстѣ со штабсъ-капитаномъ Сперанскимъ около пулемета.

Вскорѣ у пулемета остались только штабсъ-капитанъ и одинъ изъ нижнихъ чиновъ.

Нѣмцы между тѣмъ вели усиленное наступленіе.

Около пулемета рвались снаряды и летали пули.

Одной из пуль был ранен помогавший штабс-капитану стрелять в немцев солдат.

В это время пробирался раненый солдат-пехотинец.

Подозвав пехотинца, штабс-капитанъ Сперанскій на-скоро обучилъ его стрѣльбѣ изъ пулемета и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ сдерживать наступленіе непріятеля.

Въ это время на помощь штабс-капитану Сперанскому былъ посланъ значительный отрядъ нашихъ войскъ.

Когда этотъ отрядъ былъ близокъ къ цѣли, около героя-офицера разорвался снарядъ.

Осколки его вонзились офицеру Сперанскому въ животъ и онъ упалъ.

Последними словами штабс-капитана Сперанскаго были:

— Братцы, стрѣляй!.. Не отдавайте пулемета!..

Нашъ отрядъ бросился къ пулемету и сталъ продолжать стрѣльбу.

Атаки немцевъ была отбита и они отступили.

Герой штабс-капитанъ Сперанскій отъ полученныхъ ранъ скончался.

Герой корнетъ Везенковъ.

Вотъ одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ героизмъ нашихъ кавалеристовъ.

Послѣ взятія Сокала отрядъ нашей кавалеріи былъ посланъ на развѣдки въ районъ, примыкающій къ станціи Угловъ, на австрійской территоріи.

Станція была занята сильнымъ отрядомъ венгерской конницы.

Но жители сосѣднихъ селеній ввели нашихъ кавалеристовъ въ заблужденіе, сказавъ, что путь свободенъ.

При приближеніи эскадрона, въ которомъ находился молодой корнетъ Борисъ Владиміровичъ Везенковъ, венгерцы открыли сильный огонь, а затѣмъ бросились изъ засады въ атаку.

Корнетъ Везенковъ былъ раненъ при первыхъ же выстрѣлахъ.

Кавалеристы хотѣли оказать раненому начальнику помощь, но онъ отъ нея отказался.

Лежа на землѣ, онъ отдавалъ приказъ выбить засѣвшего на станціи врага и занять станцію.

— Ребята!—говорилъ онъ.— Не отступайте. Исполните задачу, а обо мнѣ не думайте.

Деньщикъ раненаго хотѣлъ перелезти его подальше отъ боя. Но въ это время сыпался градъ пуль, какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ лежалъ раненый, и одна изъ пуль ударила снова въ Везенкова.

Онъ былъ убитъ.

Кавалерійскій отрядъ лихо отбилъ непріятельскую атаку и скоро занялъ станцію.

Герой Везенковъ былъ похороненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ.

Героическая смерть поручика А. А. Иванова.
(Бесѣда съ сестрой убитаго.)

Въ Петроградѣ получено извѣстіе о гибели въ сраженіи съ непріятелемъ поручика Александра Александровича Иванова.

Офицеръ на позиціи.

Сестра убитаго о гибели брата рассказываетъ:

— Мой покойный братъ убитъ въ сраженіи съ австрійцами.

Онъ самъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, подавъ прошеніе о томъ, чтобы его назначили на передовыя позиціи.

Убили брата во время жаркой схватки съ непріятелемъ.

Рота, въ которой служилъ братъ, наступала.

Грѣшныя нашими войсками австрійцы обратились въ бѣгство.

Часть ихъ побѣжала къ лѣсу, а другіе къ деревнѣ.

Братъ во главѣ своего отряда сталъ преслѣдовать тѣхъ австрійцевъ, которые бросились въ деревню и скрылись въ домахъ.

Солдаты все время просили брата побережь себя, но онъ рвался впередъ и бралъ съ бою дома, въ которыхъ застѣли австрійцы.

Последніе отстрѣливались.

Одна изъ пуль попала брату въ грудь.

Солдаты вынесли брата изъ огня и доставили на перевязочный пунктъ.

Несмотря на принятія мѣры, спасти жизнь брата не удалось и онъ вскорѣ скончался.

За эту побѣду надъ австрійцами командиръ той части, въ которой былъ братъ, представленъ къ георгіевскому кресту, а всѣ офицеры къ наградамъ.

Покойный участвовалъ передъ своей кончиной въ трехъ бояхъ.

Тѣло покойнаго будетъ доставлено въ Петроградъ.

На мѣсто кончины брата выѣхала наша мать...

Боевой эпизодъ.

Одинъ изъ стрѣлковыхъ полковъ, будучи впервые въ текущую войну въ бою, наступалъ на деревню Грабувку, Ревнуя къ успѣхамъ своихъ товарищей, полкъ до полной темноты двигался впередъ неудержимой лавиной.

Послѣ штыковой схватки, въ австрійскихъ окопахъ имъ было взято болѣе 1.000 плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, 16 офицеровъ и 1 врачъ. Особенно энергично вели наступленіе подпоручики князь Тумановъ и фонъ Энденъ и под-

прапорщикъ Каньшинъ. Потерь почти не было, такъ какъ растерявшійся противникъ стрѣлялъ черезъ головы наступавшихъ ротъ.

Полковникъ съ двумя ротами получилъ приказаніе идти къ деревнѣ, для усиленія нашего лѣваго фланга и во время передвиженія былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Полковникъ съ адъютантомъ стоялъ у телефоннаго аппарата, по которому, согласно ихъ указаніямъ, велъ разговоръ телефонистъ. Низко разорвавшейся шрапнелью были убиты наповаль полковникъ и телефонистъ, адъютантъ остался невредимъ.

Капитанъ, замѣнившій полковника прочно занялъ мѣстѣ, чтобы угрожать флангу противника, который тѣмъ же вечеру около 9 часовъ вечера въ полной темнотѣ подъ проливнымъ дождемъ пытался предпринять наступленіе. Двигались австрійцы въ колоннахъ, но, обстрѣляемые обѣими ротами капитана отражены.

У противника въ этомъ дѣлѣ приняли участіе три полка.

Русскіе солдаты о русскихъ офицерахъ.

Раненыя съ умиленіемъ вспоминаютъ своихъ начальниковъ-офицеровъ.

— У насъ господа офицеры всегда впереди. Молодыхъ господъ прямо не удержатъ.

Всѣ герои.

О себѣ не заботятся, а только бы солдату было хорошо.

У нихъ ранцевъ нѣтъ, куда бы можно продовольствіе положить. У нашего брата въ ранцѣ сухари имѣются. Они намъ говорятъ:

— Сухари, братцы, берегите, потому что на сытый желудокъ и рука дрожать при штыкѣ не будетъ. Ранцевъ, братцы, не бросайте.

О нашихъ сухаряхъ заботятся, а у самихъ ничего не имѣется. Былъ жаркій бой: пять дней мы отстрѣливались. Наше начальство даже не вспомнить, что кушать не изволили.

Солдатки вынимаютъ свое продовольствіе и просятъ принять, не побреговать.

— Устали, братцы! Вы сами закусите!

СВѢТЛАЯ МОГИЛА.

(Памяти полковника Комарова).

«Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
 «Когда мы вожда хоронили...
 «Полковникъ нашъ рожденъ былъ хва- томъ:
 «Слуга Царю, отецъ солдатамъ...»

Уходятъ сыны необъятной Россіи,
 Всѣ рядомъ,—и вожда, и солдатъ...
 Идутъ,—и могильные своды глухіе
 Героевъ родныхъ не страшатъ...
 Иные порывы и доблесть иная
 Въ сердцахъ у бойцовъ въ эти дни...
 Предъ нами—въ тревогѣ отчизна родная,—
 И вотъ—умираютъ они...

У свѣжей могилы мы скорбно поникли,
 Но въ думахъ отчаянья нѣтъ,—
 Мы жертвовать кровью своею привыкли,—
 А въ жертвахъ—источникъ побѣдъ...
 Теперь, въ эти дни, не безсильному слезу,
 А грому орудій звучать,
 Но дни протекуть, и бойцу Комарову
 Поклонится родна-мать.
 И образъ страдальца живой, величавый,
 Окружить сиянемъ святымъ,

И лучшій вѣнецъ изъ немеркнувшей славы
 Надъ гробомъ возложить твоимъ...
 За то, что пріялъ ты большое страданье,
 Народъ, вдохновенный тобой,
 Расскажетъ грядущему вѣку преданье
 Про подвигъ возвышенный твой...
 Расскажетъ о томъ, какъ побѣдное пламя
 Пылало во взорѣ твоемъ,
 Когда ты вознесъ упавшее знамя
 Надъ снова воскресшимъ полкомъ...
 Расскажетъ о томъ, какъ величіе долга
 Твой духъ окрыляло въ борьбѣ,
 Какъ честно служилъ ты Россіи... и долго
 Хранить будутъ быль о тебѣ...

Уходятъ родные борцы за отчизну,
 Уходятъ съ грозюю въ очахъ,
 И правятъ живые прощальную тризну
 Съ глубокою вѣрой въ сердцахъ.
 То вѣра въ побѣду. Она не обманетъ,—
 Богъ видитъ неправду враговъ,—
 И громъ пораженья надъ недругомъ грянетъ
 Изъ бѣлыхъ Руси облаковъ!..

Михаилъ Гальперинъ.
 («Заря»).

Героическая смерть подпоручика
Абазы.

Изъ цѣлаго ряда эпизодовъ, сопровождавшихъ разгромъ австрійской арміи, особенно выдѣляется одинъ по своей яркости и героической красотѣ.

Во время одного изъ послѣднихъ боевъ передъ Владиславовымъ, особенно отличался подпоручикъ Абаза, сынъ извѣстнаго русскаго адмирала.

Три раза подъ-рядъ кидался этотъ юный герой въ атаку на неприятельскіе окопы и всѣ три раза всѣ семь зарядовъ его револьвера были выпущены въ пріятеля: спокойно, какъ бы шутя, подъ огнемъ неприятельскихъ выстрѣловъ заряжалъ и разряжалъ онъ свой револьверъ.

Абазу было рѣшено представить къ Георгіевскому кресту.

На другой день закипѣлъ новый бой. Абаза вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ находился на опушкѣ лѣса—въ передовой цѣпи.

Въ этотъ моментъ, когда послѣдней былъ отданъ приказъ двинуться впередъ, тяжелый, 1½-пудовый гаубичный снарядъ, упавшій среди отряда, убилъ 18 человекъ.

Среди нихъ былъ и Абаза.

Подвигъ поручика.

У дер. Драганы часть пѣхотнаго полка развернула боевой порядокъ и повела наступленіе на укрѣпленную позицію, занятую какъ австрійцами, такъ и нѣмцами. Попавъ подъ сильный артиллерійскій огонь и подойдя къ противнику на разстояніе ружейнаго выстрѣла, роты начали нести большія потери какъ въ офицерахъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ. Нижніе чины залегли. Тогда полковой адъютантъ, поручикъ Мадиковъ, видя нѣкоторую заминку, бросился впередъ и съ крикомъ: «Братцы, впередъ!»—выбѣжалъ за линію стрѣлковыхъ цѣпей, увлекъ за собою нижнихъ чиновъ, первымъ ворвался въ окопы, выбилъ оттуда неприятеля и, наскѣдая на него, обратилъ въ бѣгство.

Герой-военный врачъ.

Сообщаютъ о героическомъ поступкѣ одного врача, который въ теченіе двадцати восьми часовъ подъ огнемъ дѣлалъ перевязки и операциі раненымъ.

Такимъ образомъ, врачъ оказалъ помощь тысяча шестьсотъ сорока пяти раненымъ.

За свой самоотверженный подвигъ врачъ награжденъ орденами Св. Станислава и Св. Анны.

ТРЕБУЮЩЕ у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ слѣдующіе журналы:

„20-й ВѢКЪ“

Ц. 6 к.

ЖЕНЩИНА

Ц. 15 к.

Попрыгунья-Стрекоза.

Ц. 7 к.

Всемирный-Юморъ

Ц. 10 к.

Журналъ-Фарсъ.

Ц. 10 к.

47-ой годъ
изданія.

Открыта подписка на 1915 г.
на старѣйшій двухнедѣльный
журналъ для дамъ

47-ой годъ
изданія.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

(сорокъ седьмой годъ изданія).

Подписавшіеся на 1915 годъ получаютъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца,
за исключеніемъ Іюня и Іюля мѣсяцевъ.

20 ВЫПУСКОВЪ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ
новѣйшихъ модъ, въ многокрасочныхъ обложкахъ
по слѣдующей программѣ:

Въ отличіе отъ другихъ женскихъ журналовъ „Модный Свѣтъ“ ставитъ на первомъ планѣ модный отдѣлъ, причемъ примѣняется къ потребностямъ русской семьи и выбираетъ изъ новѣйшихъ парижскихъ модъ только то, что можетъ быть сдѣлано дома самой, или при помощи домашней портнихи. Все недоступное по цѣнѣ и по исполненію не помѣщается на страницахъ нашего журнала. Опытъ многихъ лѣтъ показалъ намъ, что въ выборѣ матеріала мы вполне удовлетворяемъ потребностямъ русской семьи средняго достатка, желающей одѣваться просто, но со вкусомъ.

Завѣдывать моднымъ отдѣломъ въ 1915 году будетъ баронесса де-Сенъ-Маръ, рисунки для этого отдѣла будутъ изготовляться въ Парижѣ извѣстнымъ художникомъ г-номъ Жидьгюи, хронику модъ будетъ доставлять наша специальная корреспондентка изъ Парижа г-жа Сильванъ.

Другая особенность нашего журнала состоитъ въ томъ, что онъ не даетъ выкроенныхъ листовъ устарѣлаго типа, по которымъ выкройки съ большимъ трудомъ и потерей времени выкраиваются при помощи рѣзца, а къ каждому номеру журнала прилагаются совершенно готовые вырѣзные выкройки въ натуральную величину, безукоризненнаго парижскаго покроя съ проколотыми цифрами на среднюю фигуру, снабженныя подробными указаніями какъ кроить и какъ шить.

Благодаря этимъ выкройкамъ каждая подписчица можетъ сшить себѣ и своимъ дѣтямъ не только платья и бѣлье, но даже верхнія вещи и шляпы по послѣдней модѣ, не прибѣгая для этого къ помощи портнихи или модистки.

Эти объясненія бесплатныхъ выкроекъ, доступныя пониманію каждой грамотной женщины, составляютъ подробный курсъ кройки и шитья.

Въ каждомъ номерѣ журнала „Модный Свѣтъ“ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы и стихи извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, статьи по всѣмъ вопросамъ общественной жизни русской женщины, иллюстрированныя статьи по домашней медицинѣ, воспитанію дѣтей, дамскимъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству, а также отдѣлы: кулинарный, косметическій и почтовый ящикъ съ отвѣтами практическаго характера.

Кромѣ того, всѣ подписчицы журнала „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ получаютъ въ 1915 г. слѣдующія

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

20 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ и ЛИСТОВЪ СЪ КОНТУРАМИ
для рисунковъ рукодѣлій въ натуральную величину.

НОВЫЙ АЛЬБОМЪ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ въ изящной обложкѣ, служащій продолженіемъ «Альбома дамскихъ рукодѣлій», даннаго въ 1914 году, но по содержанію своему представляющаго самостоятельное изданіе.

ТАБЕЛЬ КАЛЕНДАРЬ, НАПЕЧАТАННЫЙ ТРЕМЯ КРАСКАМИ.

Всѣмъ годовымъ подписчицамъ, уплатившимъ 3 руб. безъ разсрочки, **будетъ выслана добавочная бесплатная премія:**

ПАНОРАМА НОВѢЙШИХЪ ДАМСКИХЪ МОДЪ исполненная въ краскахъ.

Подписная цѣна на журналъ „Модный Свѣтъ“ со всѣми приложеніями на годъ:

съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста **3 РУБ.**
Россійской Имперіи

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ВЪ ТРИ СРОКА:

При подпискѣ: 1 руб., къ 1-му Апрѣля 1 руб. и къ 1-му Сентября 1 руб.

Адресъ Конторы журнала „Модный Свѣтъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Отдѣленіе для розничной продажи, пріема подписки и объявленій Петроградъ, Невскій, 82.

Въ книжномъ складѣ журнала „20-й ВѢКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ,

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

а также у всѣхъ газетчиковъ, станиціи и провинціи, на пристаняхъ
и на всѣхъ мѣстахъ на станціяхъ жельзныхъ дорогъ.

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники
въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. **Нѣмецкія звѣрства.** Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. **Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ карикатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Ясновидящій.
3. **Наша союзница Франція.** Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. **Наша союзница Англія.** Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морскою мощью Англіи. Масса иллюстрацій.
5. **Русскіе военные анекдоты.** Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. **Русскій солдатъ,** его отвага, добродушіе и юморъ, проявленныя въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. **Шпіоны и шпіонки.** Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. **Непріятель въ анекдотахъ и карикатурахъ.** Сатирический сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской арміи. Со множествомъ карикатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. **Палачи и мародеры.** Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. **Русскій офицеръ.** его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.
11. **Война въ воздухѣ.** Захватывающе-интересные рассказы-факты авіаторовъ, участн. войны 1914 г. „Война въ воздухѣ“ въ художественныхъ фотографіяхъ съ рисунками.
12. **Наші союзники въ бою.** Французы, Англичане, Бельгійцы, Сербы, Черногорцы и Японцы на войнѣ. Рассказы, очерки, стихи.
13. **Турки въ анекдотахъ и карикатурахъ.** Сатирич. сборн. безжал. осмѣивающій турокъ и ихъ армію.
14. **Друзья челоуѣка на войнѣ.** Собака и лошадь на развѣдкахъ и юмористика, характеризующіе участіе „друзей челоуѣка“ въ войнѣ 1914 года.

« Цѣна каждаго сборника 10 коп. »

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылаютъ три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложнымъ платежомъ сборники не высылаются.